

«ПРОКЛЯТЫЙ ПОЭТ» АНДЕГРАУНДА 50-х

Стихи из культурного перегноя,
подпочвенного слоя минувших эпох

Кирилл Медведев

Рюрика Мандельштам
СТИХОТВОРЕНИЯ

Рюрик Мандельштам. Стихотворения. — Томск: Водолей, 1997, 192 с.

Рюрик Мандельштам. Стихотворения. — СПб.: Издательство Чернышева, 1997, 159 с.

ТРИДЦАТЬ лет по московскому и петербургскому андеграунду ходила легенда о самом одиноком поэте — обитателе ночного Петербурга, читавшем какие-то фантастические красивые стихи нескольким друзьям-художникам, таким же отверженным, как и он сам, умершем от бронхиальной астмы, туберкулеза и одиночества в трехэтажной трущобе на Канонерке. По странной иронии судьбы он был однофамильцем одного из лучших русских поэтов XX века.

Рюрик Мандельштам писал свои стихи в самое, может быть, страшное для русской поэзии десятилетие. Поэтическое подполье в середине 50-х гг. только начинало заново заселяться — последний поэтический бунт был подавлен в конце 30-х (обезруты) — с тех пор желания писать стихи, игнорируя требования режима, практически ни у кого не возникало. На поверхности же царил в основном грубая и трескучая поэзия советского официоза. В такой обстановке появляются два ярчайших, почти гениальных поэта, задавших своим творчеством

и судьбой направление развитию двух подпольных поэтических традиций — москович Станислав Красовицкий и ленинградец Рюрик Мандельштам. Красовицкий, написав в середине 50-х сколько-то (несколько десятков?) незаурядных стихотворений, ушел в религию и до сих пор препятствует публикации своих юношеских шедевров. Мандельштам умер в 1961 г., и о нем практически никто не знает.

Первые публикации появились спустя пятнадцать лет после его смерти — в «Аполлоне-77» Михаила Шемякина, путеводителя по московскому и петербургскому художественному подполью. Затем — в «Антологии Голубой Лагуны» Константина Кузьминского — литературного архивариуса с абсолютным поэтическим слухом, одного из хранителей и яростных поклонников творчества Рюрика Мандельштама. В начале 80-х вышла маленькая книжка в Израиле, собравшая написанные на клочках и подаренные друзьям стихи. Теперь — две книги в России, также составленные из чудом избежавших огня рукописей. (Говорят, что родственник Мандельштама, к которому попал после смерти архив поэта, сжег ее, опасаясь КГБ.) Далеко не бесспорная булгаковская сентенция подтвердилась в данном случае абсолютно — большая часть опубликованного в то время давно подверглась если не огню, то тлению, стихи же Мандельштама, не став достоянием печатной культуры тогда, становятся таковым сорок лет спустя.

Мандельштам стоит у истоков петербургской поэзии 60–80-х гг., с него начинается так называемый бронзовый век русской поэзии. Он воплотил в себе все черты подпольной петербургской культуры за двадцать лет до ее расцвета — минимальный круг читателей, интерес к мировой истории, острое ощущение языка как исключительно гибкого и самодостаточного материала (обусловленное как знакомством с мировой традицией, так и уникальной языковой ситуацией в самом Петербурге), искусство ради искусства (принцип этот имел здесь, правда, не уайльдовский философско-эстетический подтекст, а гораздо более банальный — о славе, писании ради заработка или служении режиму речь не шла, поэтому никакого посто-

ронного смысла в творчестве быть не могло). Наконец, восприятие Города, вернее, постоянная попытка угадать в стихах его тайную метафизическую сущность, наличие которой у петербургских поэтов никогда не вызывало сомнений.

Основной жанр Мандельштама — городской пейзаж. Своими урбанистическими стихами он и должен войти в историю поэзии, ибо до него едва ли кто-нибудь писал про Петербург так:

Запах камней и металла.
Острый, как волчьи клыки.
Помнишь? — в изгибе канала
Призрак забытой руки?
Видишь? — деревья на крыши
Позднее золото льют,
В Новой Голландии — слышишь?
Карлики листья куют.
Или
Лунный город фарфоровым стал
Белоснежным подобием глины,
Не китаец в глазурь расписал
Розоватый его каолин,
Не китаец, привычный к вину
Распечатал его для людей,
И лимоном нарезал луну
На тарелки ночных площадей.

Стихи Мандельштама не только подчеркнуто антилиричны, в них почти нет природы и вовсе нет человека. Единственное живое существо в его мире — старик-тряпичник, собирающий ненужную рухлядь: «Пришел ко двору неизвестный, / Воскликнул: — Тряпье — бутыл — бан». Автор напоминает этого самого старьевщика — его стихи состоят из культурного перегноя, подпочвенного слоя минувших эпох, из вещей, картин и предметов, будто найденных на городской свалке или в пыльном поэтическом хранилище. Вот рваный сапог, вот старинный парфюмерный флакон. Вот — китайский колокольчик Гумилева в фарфоровых небесах, вот экспрессионистский кровавый закат над городом, вот лунные лимоны, от которых по-северянски «лунно

и лимонно», красный трамвай из гумилевского ночного кошмара, «фаянсовых чайников маки» и вечерний колорит раннего Маяковского, а вот — слоны Каннибалы, Арлекин и Коломбина со страниц «Балаганчика», даже гуси прилетают в его стихи, кажется, вовсе не «с Голголанды», а из какой-нибудь русской сказки — из Афанасьева или Бажова. Поэт берет эти осколки ушедших культур и, на грани помешательства, будто в жутком наркотическом прозрении, создает из них новое, исполненное какой-то больной красоты и тяжелого метафизического кошмара, пространство. Этот вымерший мир настолько самодостаточен, что не имеет выхода — Рюрик Мандельштам, едва ли хоть раз покидавший Петербург, выражает эту мысль вполне определенно. Он фиксирует в своих стихах непостижимую двойственность Петербурга, единство низости и величия, слитость божественной красоты и инфернального ужаса — зловещий петербургский космос вдруг оказывается для поэта Эдемом — «В переулке моем булжиком, — словно маки в полях Монэ».

Рюрик Мандельштам подобен тем, кого во Франции называли «les poètes maudits» — «проклятые». Неприятие литературного истеблишмента, ощущение собственной обреченности и избранности одновременно, злая ирония, эпатаж, неврастения, крайняя степень эстетизма, выворачиваемого порой наизнанку — «эстетика безобразного», максимум цвета и звучания в стихе. Триумф магии

Портрет Рюрика Мандельштама.
Шолом Шварц

и мастерства — игра словами шагающего по проволоке жонглера. Сумасшедшая жизнь и ранняя мучительная смерть — расплата за вдохновение.